

презрѣло всю эту дивную красоту индивидуальнаго, Богомъ же созданнаго!...

Сліяніе съ Богомъ до потери личности, какъ я указывалъ, можетъ быть желаннымъ лишь для той стороны нашего существа, которая обращена къ Богу. *Для себя* я могу удовлетвориться имъ, я даже жажду и жду этого сліянія — да придетъ оно! Но другіе люди, которыхъ я люблю? Съ ихъ исчезновеніемъ никогда не помирится сердце, и единственный отвѣтъ, который разрѣшаетъ мнѣ требованія моего сердца, есть Откровеніе о личномъ безсмертіи, о воскресеніи плоти. И кто только услышитъ вѣсть эту, тотъ пойдетъ въ Церковь, чтобы опытно постигнуть силу и правду этой вѣсти.

Отчего же Толстой не пошелъ въ Церковь? Отчего не внялъ онъ словамъ Спасителя?

Не каждому изъ насъ дано вмѣстить все, не каждому изъ насъ дано въ полнотѣ вмѣстить всю сумму запросовъ ума и сердца, на которые отвѣчаютъ религія и наука. Какъ въ знаніи, такъ и въ вѣрѣ бываютъ широкіе и ограниченныя запросы—и въ этомъ нѣтъ бѣды. Есть люди, для которыхъ центральное въ ученіи Христа—ученіе о томъ, какъ жить,—и для нихъ все Откровеніе о будущей жизни не является живой, животворящей перспективой; есть другіе, которые еще уже усваиваютъ ученіе Христа: не только отвергаютъ они метафизику, но и изъ этики останоятся лишь на чемъ нибудь одномъ. Пусть! Да будетъ позволено каждому индивидуально и самостоятельно итти за Христомъ, какъ онъ разумѣетъ. Но именно въ силу этой индивидуальной ограниченности каждаго мы и находимъ восполненіе въ Церкви, которая въ полнотѣ хранить всю сокровищницу Откровенія; индивидуальная апперцепція ученія Христа вполне законна до тѣхъ поръ, пока она не выдаетъ части за цѣлое, пока свое, ограниченное толкованіе она не выдаетъ за всю полноту Откровенія. А это именно и случилось съ Толстымъ. Если ему было радостно и легко жить съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Евангеліи—слава Богу; но когда онъ, опираясь исключительно на лично пережитой религіозный опытъ, попытался имъ освѣтить всю систему религіозныхъ проблемъ, онъ далъ и произвольное толкованіе Евангелія, и пантеистическое ученіе о Богѣ и мірѣ, и свою теорію о безсмертіи разумной жизни. Не Толстой впервые почувствовалъ виѣвременный, безсмертный